
ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

УДК 101 (091)

НА ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

В. Ф. БЕРКОВ¹⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы,
ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

Показано, что на рубеже XX–XXI вв. общественно-гуманитарные науки оказались в состоянии серьезного методологического кризиса. Под давлением социума и соответствующего идеологического воздействия поставлена под сомнение концепция материалистического понимания истории: ей на смену пришли разные вариации давно изжившего себя позитивизма. Высказывается мысль о том, что преодоление кризиса связано с возвращением к диалектике в марксистском, деятельностно-практическом, понимании.

Ключевые слова: общественно-гуманитарные науки; методологический кризис; принцип всесторонности рассмотрения; материалистический принцип деятельности; понятие интереса; материалистическое понимание истории.

METHODOLOGICAL CRISIS IN THE SOCIAL AND HUMAN SCIENCES AND WAYS TO OVERCOME THE CRISIS

V. F. BERKOV^a

^aNational Institute for Higher Education,
Maskowskaja Street, 15, 220007, Minsk, Belarus

The article shows that at the turn of XX–XXI centuries social and human sciences are found to be in a serious methodological crisis. Under pressure from society with corresponding ideological influence the materialist conception of history was

Образец цитирования:

Берков В. Ф. На путях преодоления методологического кризиса в социально-гуманитарных науках // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 87–94.

For citation:

Berkov V. F. Methodological crisis in the social and human sciences and ways to overcome the crisis. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 87–94 (in Russ.).

Автор:

Владимир Федотович Берков – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии университетского образования.

Author:

Vladimir Berkov, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of university education.
vlad-berkov@yandex.ru

put to the question and replaced by the different variations of exploded positivism. Overcoming the crisis is associated with a return to the dialectics in its Marxist, activity-practical sense (using such categories as «need», «interest», «value», «goal», «mean», «result» etc.).

Key words: social and human sciences; methodological crisis; comprehensive consideration principle; materialistic principle of activity; notion of interest; materialist conception of history.

Великая Октябрьская социалистическая революция – событие, определившее историю XX в. Оно позволило нашей Родине совершить беспрецедентный рывок в развитии производительных сил, выстоять в борьбе с самым жестоким, коварным и человеконенавистническим врагом в Великой Отечественной войне, достичь наивысшего расцвета в области науки, образования и культуры, сделать многое для осуществления мечты человечества о Справедливости, Правде, Добре. Нельзя не признать, что лозунги, написанные на знаменах социалистической революции, вновь становятся актуальными, обладают огромной притягательной силой.

Столетний юбилей Октябрьской революции вызывает стремление осознать значение, смысл, характер прошедшего периода истории, дать критический анализ его переломных моментов. Настало время с позиций высоких идеалов бросить взгляд и на историю, хотя весьма короткую, нашей родной независимой Беларуси.

В данной статье ставится весьма скромная и достаточно узкая задача – осветить состояние решающего фактора в развитии научного знания, а именно методологического инструментария, который используется, в частности, в социально-гуманитарных науках на постсоветском пространстве.

Методологический кризис в социально-гуманитарных исследованиях на рубеже XIX–XX вв.

Революционные преобразования, начатые на постсоветском пространстве в 1990-е гг., затрагивали прежде всего экономическую и социальную сферы нашего жизнеустройства. Вместе с тем возникла ситуация, позволяющая надеяться на освобождение духа, реализацию способности пробуждающегося сознания к самоопределению и творчеству. И уже казалось, что положено начало концу эпохи бессилия, безвластия людей, неспособных повлиять на собственную жизнь и ход событий в условиях административно-бюрократического произвола, что мы начинаем «как бы заново самостоятельно мыслить и говорить то, что думаем, без страха, не оглядываясь по сторонам, выражать свое и выслушивать чужое мнение <...> постепенно освобождаемся от гнетущего чувства не востребованности своей личности, ума и воли, которыми привыкли манипулировать все, кому не лень» [1, с. 3–4].

Однако на практике все оказалось намного сложнее. Благородные цели, которые долгие годы вынашивала интеллектуальная элита, в ходе общественных преобразований оказались забытыми или превратились в пустой звук. Победу одержали иные ценности. «Мы чуть-чуть допустили элементы товарного производства, и уже начал, как во времена первоначального накопления капитала, развиваться дикий ростовщическо-купеческий, допотопный, ублюдочный капитализм. Трудно даже было ожидать, что такое может быть», – сетовал известный российский экономист А. В. Бузгалин [2, с. 297].

Наряду с экономическими и социальными проблемами в обществе стали проявляться симптомы глубокого мировоззренческого кризиса. Они обна-

руживали себя в растерянности, смятении, раздвоенности сознания даже либерально настроенных интеллектуалов – инициаторов осуществляемых общественных преобразований, а в своем крайнем выражении – в разгуле самых реакционных идей, направленных на глубокое поражение общественного сознания, в огульном охаивании советского наследия, в откате к самым примитивным представлениям о развитии общества, к иррациональным действиям по его реформированию.

Кризисные явления глубоко проникают в сферу методологии научного познания. В итоге исследовательский процесс, как способ производства нового знания, замещается его имитацией. Резко обостряется «застарелая болезнь» обществоведческой литературы – ее описательность, фрагментарность и эклектизм. В соответствии с природой и требованиями социальной среды на задний план уходят навыки рационального мышления: для общества потребления они попросту излишни. Прилагается немало усилий, чтобы опорочить стержень всякого теоретического мышления, диалектику, и ее важнейший компонент, диалектическую логику. Труды классиков марксизма, особенно те, которые имеют большое методологическое значение и призваны быть настольными книгами каждого исследователя-обществоведа («Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции», «Диалектика природы» и др.), исчезают с библиотечных полок. Раздел о марксистской философии исключается из учебного процесса [3].

Дело доходит до того, что наличие теоретических аспектов в учебном материале провозглашается не достоинством, а недостатком [4]. В сфере образования на роль новой парадигмы претендует пришедшая к нам с Запада точка зрения, известная как компетентностный подход, предполагающий резкую переориентацию всего учебного процесса с понятий «образованность», «общая культура», «воспитанность» на понятия «полезность», «успешность», «мобильность», «решительность», «конкурентоспособность».

В обществоведческой научной и учебной литературе преобладают подходы, претендующие на внесубъектное предъявление объекта, рассматривающие его в естественном состоянии. Таков, в частности, учебный курс политологии. При освещении политики как ключевого содержательного компонента курса авторы учебников ограничиваются лишь освещением явленческих ее сторон, не выходящим за грани описания политических институтов (государства, партий, общественных объединений и т. д.) и политических процессов, реализующихся в идеологии и соответствующих актах политической деятельности, политических решениях, социальных конфликтах, международных отношениях и т. д. Эти описания статичны, поверхностны, бессистемны и, естественно, не позволяют вскрыть глубинные, сущностные свойства. Поэтому отсутствие формулировок законов политической науки представляется неслучайным, как неслучайно, вследствие этого, отсутствие процедур основательного объяснения в учебных курсах.

Не лучше дело обстоит в сфере социологии. Здесь наблюдается сдвиг исследовательского внимания с изучения объективных социальных процессов, общностей, структур и их связей на анализ их отражения в сознании отдельных групп лиц. Пересматривается предмет социологии – им провозглашается сознание как отражение социальной сферы. Звучат призывы не к отображению социальной жизни в качестве реальности как таковой, к вскрытию господствующих там закономерностей, а к реконструкциям социального процесса исходя из точек зрения, мнений его участников. Анкетные опросы – решающий и едва ли не единственный методологический ориентир в подобного рода исследованиях. Неудивительно, что их результаты обладают крайне ограниченной ценностью и пригодны разве что для создания или коррекции общественного мнения (пиара) во время предвыборных кампаний. Сетования отдельных авторов на отсутствие теоретического осмысления общественных процессов остаются без должной реакции, да и решение этого вопроса в рамках принятой методологии не имеет перспективы. Вслед за К. Марксом можно сказать, что нынешняя социология не

может его решить, «не сбросив своей буржуазной кожи» [5, с. 552].

В начале 1990-х гг. происходит резкий поворот в экономической науке. Под предлогом приобщения к мировой экономической мысли она уходит от постановки и обсуждения многих актуальных вопросов общего характера. Парадигмальную окраску приобретают неоклассические и неоинституциональные подходы, несоразмерные, как правило, с нашей действительностью. Научная литература заполняется наспех сколоченными компиляциями концепций западных идеологов. Руководящей нитью научных занятий становится методологический плюрализм, допускающий множественность «правд» с претензией каждой из них на роль абсолютной истины. Создается реальная почва для развития антинауки, лженауки и всего, что с ними связано. Практико-ориентированная направленность преподавания экономической теории сводится к конкретным рецептам, нацеленным прежде всего на сиюминутный и очевидный успех. Явно снижается культура мышления, отчетливо проявляется неспособность молодых специалистов ориентироваться в социально-экономической среде.

Налицо – парадокс деисторизации исторической науки. На фоне справедливых высказываний о ее значимости происходит процесс противоположного свойства – отказ от принципа объективности исторического знания, от поиска критериев его истинности. Под лозунгом деидеологизации объявляется потерпевшей крушение марксистская концепция материалистического понимания исторического процесса. В противовес ей навязываются методологические установки, почерпнутые из ресурсов давно изжившего себя позитивизма и представленные в глянцево-упаковках постмодернизма, постструктурализма, деконструктивизма и прочих концепций, которые якобы не только новы, но и более прогрессивны [6, с. 71–101]. Теперь, оказывается, не надо вскрывать глубинные причинно-следственные связи событий, вникать в соотношение сущности и явлений, давать им объяснения, отделять необходимое от случайного, общее от особенного и т. д.

Таким образом, инновации, внедряемые новыми идеологами в науки социально-гуманитарного профиля, привели не к их прогрессивному развитию, а к глубокому системному кризису. Пораженным оказался прежде всего их фундамент – научная методология. При этом решающую роль сыграло внешнее влияние. Линия фундаментальных исследований оказалась искусственно оборванной. По словам одного авторитетного автора, «восторжествовала обезьянья манера “тяготения к чужому”, то, что можно назвать ксенофобией на оборот, рабская подражательность, изнурительное эпигонство» [7, с. 317].

Методологический плюрализм и критерий истинности социально-гуманитарного знания

Важнейший принцип диалектической логики – всесторонность рассмотрения исследуемого предмета. «Чтобы действительно знать предмет, – писал В. И. Ленин, – надо охватить, изучить все его стороны, все связи и “опосредования”. Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления» [8, с. 290]. Но нередко всесторонность понимается слишком плоско, односторонне – как требование, имеющее отношение лишь к внешним, явленческим сторонам исследуемого предмета, в отвлечении от его внутренних, глубинных, сущностных связей. Последние же могут быть раскрыты лишь в процессе деятельности человека, при ответах на его запросы, порождении интересов и удовлетворении его потребностей. Эти связи являются определяющими в отношении внешних сторон. Успех целеполагания и творчества с необходимостью зависит от понимания внутренних, существенных связей и отношений, ориентация лишь на внешние неизбежно чревата крахом намеченных планов и программ.

Но чаще всего наблюдается не только упрощенное понимание принципа всесторонности, но и полное его замещение принципом разносторонности, или, в современной терминологии, принципом методологического плюрализма. Гносеологические корни его уходят в мировоззренческо-идеологическую и философскую сферу. Например, разные картины российской истории у С. М. Соловьева и у В. О. Ключевского родились в силу различий их исходных философских позиций, гегелевской позиции у первого, позитивистской – у второго [9, с. 102–113].

Для постижения сущности некоторая «правда» может оказаться пригодной и полезной, но лишь временно. Как заметил В. И. Ленин при конспектировании «Науки логики» Г. В. Ф. Гегеля, «отдельное бытие (предмет, явление etc.) есть (лишь) **одна сторона** идеи (истины). Для истины нужны еще другие стороны **действительности**, которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными (*besonders für sich besteende*). Лишь в их совокупности (*zusammen*) и в их *отношении* (*Beziehung*) реализуется истина» [10, с. 178]. Таким образом, различные точки зрения, или «правды», суть не что иное, как «ступеньки», ведущие к истине в процессе восхождения от абстрактного к конкретному, к синтезу многих определений, к «единству многообразного» (К. Маркс).

Вместе с тем ориентация на методологический плюрализм порождает опасность появления «ступенек» как пустых абстракций, т. е. отдельных «правд», далеких от истины. Поскольку, как счита-

ют некоторые авторы, предыдущая историография представила историю белорусского народа в искаженном виде, постольку требуется ее коренное переосмысление. В их понимании истину следует искать, освещая проблемы этногенеза белорусского этноса, становления и развития его государственности, культуры, освободительной борьбы *с национальной точки зрения*, в соответствии с *нашей национальной идеологией*. При этом в качестве дополнительного аргумента приводится соображение о том, что под этим углом зрения исторические труды создаются у наших соседей. А то, что при таких подходах история из науки превращается в субъективное представление о прошлом, этих авторов не особенно заботит. Вполне очевидны и практические (идеологические и политические) последствия такого рода ориентаций. Яркий пример – ситуация в Украине.

Методологический плюрализм разрешает использование любых приемов и процедур, в том числе, наряду с рациональными, привнесенных, интуиционистских и даже иррациональных. В качестве критериев выбора исследовательских тем и методов могут оказаться местнические интересы, модные поветрия, личные пристрастия и т. д. В последние годы в белорусской исторической публицистике стала модной «земляческая» проблематика. Подход при этом следующий: если некий исторический персонаж – наш земляк, то он едва ли не национальный герой и, естественно, с полным правом должен занимать почетное место в ряду выдающихся представителей белорусского народа. При этом не так важно, кто он – гений или злодей. Как правило, авторы идут на «просеивание» личностных качеств своих подопечных, выпячивая положительные и «забывая» об отрицательных. Искаженое представление о действительности (переписывание истории) – естественное следствие таких ориентаций.

Например, журнал «Беларуская думка» опубликовал материал о белогвардейском генерале В. З. Май-Маевском, выходец из Могилёвской губернии [11, с. 43–51]. Он представлен личностью, которой можно только восхищаться: патриот России, блестящий полководец, любимец солдат, пример мужества и хладнокровия. Однако при этом «за скобки» вынесено главное, существенное. Ведь В. З. Май-Маевский был одним из тех, кто стремился повернуть колесо истории вспять, установив военную диктатуру и реставрировав монархию. Своими гнусными делами, связанными с массовыми расстрелами без суда и следствия, грабежами, он удивлял даже своего шефа, генерала А. И. Деникина [12].

По всей вероятности, приверженцы концепции методологического плюрализма постараются оправдать авторов, представивших В. З. Май-Маевского в таком завидном свете: у них, мол, своя правда. И тут неизбежно и крайне остро встает кардинальный вопрос о критериях истинности социогуманитарного познания, прежде всего в его первоначально-бытийной форме: существуют ли они, эти критерии?

Полагаем, что все же существуют. Их непосредственную основу составляют ценности, выражающие интересы всего человечества. Надо иметь в виду исторически преходящий характер этих ценностей. На стадии становления капиталистической общественной формации они концентрировались вокруг лозунга «свободы, равенства и братства», сегодня сосредоточиваются в глобалистике – совокупности теоретических взглядов

и представлений о наиболее важных и острых проблемах существования человечества на нынешней стадии развития (предотвращение мировой ракетно-ядерной войны, устранение угроз, связанных с загрязнением окружающей среды, истощением природных ресурсов, продовольственными проблемами и т. д.). Опосредованно за ними стоят факторы, имеющие основополагающее, законосообразное и решающее значение: движение человечества по восходящей линии, демократизация социальных институтов, раскрытие существенных сил всех и каждого человека в отдельности [13, с. 56–58]. На повседневно-практическом уровне не каждая социальная группа или ее представитель способны придерживаться общечеловеческих ценностей. Нередко их деятельность всецело подчинена другим, часто сиюминутным, корыстным интересам.

Материалистический принцип деятельности – ориентир преодоления методологического кризиса в социально-гуманитарных науках

Решающую роль в преодолении методологического кризиса, который постиг социально-гуманитарные науки на рубеже XX–XXI вв. и продолжает сотрясать их до сих пор, следует отвести принципу деятельности. Материалистическая традиция разработки этого принципа восходит к К. Марксу [14, с. 264–266].

Объективную основу материалистического принципа деятельности составляет особый предмет, а именно *история как деятельность преследующего свои цели человека*. Будучи отраженной в теоретическом сознании, история в соответствии с законом оборачивания в методе (нем. *Umschlag in der Methode*) [15, с. 55–57] становится самостоятельным исходным пунктом нового процесса, имеющего познавательный характер. Как следствие, в философии и методологии науки оформляется идея историзма – познания вещей и явлений в их становлении и развитии, в органической связи с порождающими их условиями. В качестве определенного способа теоретического исследования историзм есть фиксация такого изменения, в котором выражается формирование специфических свойств и связей вещей, определяющих их сущность и своеобразие. Здесь объект – уже не внесубъектный, естественный, застывший фрагмент внешнего мира, каким он представляется при недействительном, созерцательном подходе. В категориях деятельностно-практической концепции возможно наиболее полное раскрытие сущности всякого общественного явления. Эта концепция составляет философскую основу материалистического понимания истории.

Деятельностно-практическая концепция отображает активную сторону общественных отношений. В ее свете знание в форме объекта является

производным, вторичным, выводным по отношению к знанию о предмете как сгустку человеческого труда, к знанию в форме деятельности. Подобно тому, как объективные характеристики всякой человеческой деятельности опредмечиваются и угадывают в свойствах ее продуктов, знание в форме деятельности опредмечивается и кристаллизуется в знании в форме объекта [16, с. 209–231]. Представляя собой результат познания, знание в форме объекта трактуется не только старым, но и нынешним, созерцательным, материализмом и соответствующей ему методологией как внутренне присутствующее предмету без какого бы то ни было отношения к породившей его практической деятельности. Но такая установка является познавательно ограниченной, а потому объективной лишь по видимости.

Деятельностно-практическая концепция воплощается в особой системе понятий, одни из которых – понятия цели, средства, результата – суть узловые элементы, *категории* этой системы, другие же – понятия противоречия, сущности и явления, необходимости и случайности, возможности и действительности, части и целого – находятся в отношении подчинения к узловым, наполняются содержанием последних. Например, в процессе производства нового знания нечто существенное в одних случаях может быть средством, а в других – стать целью или результатом, или наоборот. То же можно сказать и о других подчиненных понятиях, которые, в свою очередь, имеют продолжение в частных дисциплинах – социологии, экономической теории и т. д.

В философской литературе советского периода названные понятия категориального уровня (цель, средство, результат и др.) долгое время были в тени. Например, в многочисленных исследованиях

по вопросам взаимосвязи категорий диалектики в 1950–70 гг. эти понятия даже не упоминаются¹. Положение изменилось лишь в связи с публикацией на русском языке в начале 1960-х гг. ранних рукописей К. Маркса. В прорывных работах Г. П. Щедровицкого, В. С. Стёпина, И. С. Алексеева, Э. Г. Юдина, В. М. Межуева и других ученых было показано, что проблема происхождения теоретического знания, принципы и способы его построения могут быть осознаны только с позиций заложенной К. Марксом фундаментальной идеи о деятельностно-практической природе познавательного процесса. Эта идея нашла серьезную поддержку и у представителей частных дисциплин. Среди них особо следует отметить С. Л. Рубинштейна, который предложил принцип деятельности как средство осмысления процессов, изучаемых в психологии и педагогике; Л. С. Выготского, автора культурно-исторической концепции развития высших психических функций; В. П. Зинченко, В. М. Мунипова и других исследователей, продемонстрировавших продуктивность деятельностного подхода к изучению процессов оптимизации средств и условий труда; А. Н. Колмогорова, одного из создателей конструктивистского направления в логике и математике.

В частных дисциплинах социально-гуманитарного профиля, ориентирующихся на марксистский метод, на первый план выходит общенаучное понятие *интереса* (конкретизирующее категорию цели) как форма проявления потребности, обеспечивающей направленность деятельности личности, социальной группы. Поэтому исследование общественной жизни начинается с абстракций, как бы лежащих на поверхности изучаемого предмета, – с интересов той или иной социальной группы, и ни одно действие группы не может быть понято, если не выяснены интересы, его породившие. По этому поводу можно вспомнить классическое высказывание В. И. Ленина: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов» [17, с. 47].

Первой и весьма удачной попыткой объяснить целый период французской истории на основе деятельностно-практического принципа была работа К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» [18, с. 5–110]. Она крайне важна не только в историографическом, но и в методологическом плане.

Период 1848–1850 гг. К. Маркс с полным правом называл революционным в истории Франции. Бо-

лее того, он показал, что «революция шла вперед и прокладывала себе дорогу не своими непосредственными трагикомическими завоеваниями, а напротив, тем, что она порождала сплоченную и крепкую контрреволюцию, порождала врага, в борьбе с которым партия переворота только и выростала в подлинно революционную партию» [19, с. 7].

Казалось бы, в соответствии с методологическими установками материалистического понимания закономерностей исторического процесса следовало начинать анализ с экономического положения Франции в этот период. Однако К. Маркс идет обратным путем, теоретически осваивая прежде всего отношения между партиями во французском парламенте, давая характеристику общественным группам, представленным в этом законодательном органе: мелкой буржуазии с ее колебаниями, утопическими стремлениями возвыситься над классовыми противоречиями; крестьянства с его внутренним расслоением и господством в его среде реакционных предрассудков, укрепляемых целенаправленной идеологической обработкой; крупной буржуазии с ее контрреволюционными антирепубликанскими настроениями; соперничающих монархических течений. Впоследствии Ф. Энгельс, касаясь подхода К. Маркса к исследованию сложившейся ситуации, разъяснял: «При суждении о событиях и цепи событий текущей истории никогда не удается дойти до *конечных* экономических причин. <...> Ясной картины экономической истории какого-нибудь периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями, ее можно получить лишь задним числом, после того как собран и проверен материал. <...> Поэтому материалистическому методу слишком часто приходится здесь ограничиваться тем, чтобы сводить политические конфликты к *борьбе интересов* (курсив наш. – В. Б.) общественных классов и фракций классов, созданных экономическим развитием, а отдельные политические партии рассматривать как более или менее адекватное политическое выражение этих самых классов и их фракций» [20, с. 529–530].

По-иному выглядит исследование Ф. Энгельсом «краеугольного камня немецкой истории» – Крестьянской войны в Германии (1524–1526) [21, с. 343–438], хотя понятие интереса и здесь остается центральным. Благодаря изысканиям немецких историков, прежде всего трудам В. М. Циммермана, в руках Ф. Энгельса оказалось достаточно фактического материала, чтобы судить об экономических причинах этого события. Поэтому его произведение «Крестьянская война в Германии» начинается с описания положения, сложившегося к началу XVI в. в немецкой промышленности, торговле, земледелии, транспорте,

¹Тугаринов В. П. Соотношение категорий диалектического материализма. Л., 1956; Кузьмин Е. С. Система онтологических категорий. Иркутск, 1958; Копнин П. В. Диалектика как логика. Киев, 1961; Шентулин А. П. Система категорий диалектики. М., 1967; Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973; Диалектика научного познания. Очерк диалектической логики. М., 1978 и др.

денежном обращении. Затем дается характеристика различным социальным группам (классам, условиям), сложившимся в феодальной иерархии: князьям, дворянам, чиновникам, священникам, патрициям, бюргерам, крестьянам. Последние, за исключением городского плебса, находились в наихудшем положении. На крестьянина ложилась своей тяжестью вся общественная пирамида. В условиях бурного роста городов и дальнейшего развития капиталистических отношений эксплуатация крестьян проявилась с новой силой. Массовый характер приобретало их крепостное закабаление. Неслучайно во время Крестьянской войны в Германии требование освобождения от крепостной зависимости сделалось самым общим лозунгом восставших.

Ф. Энгельс замечает, что многочисленные социальные группы «составляли чрезвычайно хаотическую массу с весьма разнообразными, во всех направлениях взаимно перекрещивающимися потребностями. Каждое сословие стояло поперек дороги другому и находилось в непрерывной, то скрытой, то открытой борьбе со всеми остальными» [22, с. 357–358]. Это наблюдение Ф. Энгельса существенно отличается от картины, нарисованной В. Циммерманом, который видит в классовой борьбе той эпохи «лишь угнетателей и угнетенных, злых и добрых и конечную победу злых» [23, с. 413] и, следовательно, ищет основания общественных отношений в сфере морального сознания. Ф. Энгельс

же пытается рассмотреть события с точки зрения материалистического истолкования истории, где принцип деятельности является главенствующим.

Метод К. Маркса находит приложения не только в сфере социогуманитарного познания. Убедительное подтверждение – современные синергетические изыскания. Фактически синергетика следует за марксизмом, утверждая, что проблема реальности неотделима от проблемы человеческого существования, что, в частности, «великие законы физики не являются “всего лишь” отражением реальности, как не являются и “всего лишь” социальными и историческими конструкциями» [24, с. 248]. Синергетические понятия хаоса и порядка, флуктуации, бифуркации, аттрактора мыслятся на фоне таких категорий диалектической логики, как деятельность, взаимодействие, детерминизм, развитие, необходимость и случайность, возможность и действительность и т. д.

Таким образом, мы являемся свидетелями того факта, что на рубеже XX–XXI вв. общественно-гуманитарные науки оказались в состоянии серьезного методологического кризиса. Под давлением социума и соответствующего идеологического воздействия поставлена под сомнение концепция материалистического понимания истории: ей на смену пришли разные вариации давно изжившего себя позитивизма. Преодоление кризиса связано с возвращением к диалектике в марксистском, деятельностно-практическом, понимании.

Библиографические ссылки

1. Освобождение духа / под ред. А. А. Гусейнова, В. И. Толстых. М., 1991.
2. Бузгалин А. В. Административная система – «мутант» марксизма // Освобождение духа / под ред. А. А. Гусейнова, В. И. Толстых. М., 1991. С. 294–298.
3. Философия / под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
4. Раиса Сидоренко о перспективах образования: учебники с новым подходом появятся уже в этом году [Электронный ресурс] // Новости «24 часа» / СТБ. 23.06.2016. URL: <http://www.ctv.by/raisa-sidorenko-o-perspektivah-obrazovaniya-uchebniki-s-novym-podhodom-poyavyatsya-uzhe-v-etom-godu> (дата обращения: 30.06.2016).
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1960. Т. 23.
6. Постижение истории: онтологический и гносеологический подходы / под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. Минск, 2002.
7. Науменко Л. К. «Наше» и «мое». Диалектика гуманистического материализма. М., 2012.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1981. Т. 42.
9. Усачев А. С. Lonque durée российской историографии // Обществ. науки и современность. 2002. № 2. С. 102–113.
10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1981. Т. 29.
11. Шаблыко Т., Козлов И. Его превосходительство: кинолента судьбы // Беларус. думка. 2016. № 11. С. 43–51.
12. Деникин А. И. Поход на Москву. Очерки русской смуты. Минск, 1991.
13. Берков В. Ф. «Правд» – много, истина – одна // Беларус. думка. 2014. № 9. С. 56–56.
14. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 264–266.
15. Маркс К. Математические рукописи. М., 1968.
16. Алексеев И. С. Концепция дополненности. Историко-методологический анализ. М., 1978.
17. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1976. Т. 23.
18. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 5–110.
19. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 5–110.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 22.
21. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 343–438.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 7.

23. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1960. Т. 16.
24. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1994.

References

1. Guseinov A. A., Toslytkh V. I. (eds). [Liberation of the spirit]. Moscow, 1991 (in Russ.).
2. Buzgalin A. V. [Administrative system is a «mutant» of Marxism]. In: A. A. Guseinov, V. I. Toslytkh (eds). [Liberation of the spirit]. Moscow, 1991. P. 294–298 (in Russ.).
3. Zotov A. F., Mironov V. V., Razin A. V. (eds). [Philosophy: textbook]. 6th ed. Moscow, 2009 (in Russ.).
4. Raisa Sidorenko o perspektivakh obrazovaniya: uchebniki s novym podkhodom poyavyatsya uzhe v etom godu. *Novosti «24 chasa»*. URL: <http://www.ctv.by/raisa-sidorenko-o-perspektivah-obrazovaniya-uchebniki-s-novym-podhodom-poyavyatsya-uzhe-v-etom-godu> (date of access: 30.06.2016) (in Russ.).
5. Marx K., Engels F. [Writings] : in 50 vol. 2nd ed. Moscow, 1960. Vol. 23 (in Russ.).
6. Sidortsov V. N. , Yanovski O. A., Yaskevich Y. S. (eds). [Comprehension of history: ontological and epistemological approaches]. Minsk, 2002 (in Russ.).
7. Naumenko L. K. [«Ours» and «mine»: dialectics of humanistic materialism]. Moscow, 2012 (in Russ.).
8. Lenin V. I. [Complete set of works] : in 55 vol. Moscow, 1981. Vol. 42 (in Russ.).
9. Usachev A. S. [Lonque durrée of Russian historiography]. [Social sciences and modernity]. 2002. No. 2. P. 102–113 (in Russ.).
10. Lenin V. I. [Complete set of works] : in 55 vol. Moscow, 1981. Vol. 29 (in Russ.).
11. Shablyko T., Kozlov I. [His excellency: a film of fate]. *Belarusian reflections*. 2016. No. 11. P. 43–51 (in Russ.).
12. Denikin A. I. [Moscow campaign. Essays on the Russian disturbance]. Minsk, 1991 (in Russ.).
13. Berkov V. F. [Many «truths», one verity]. [Belarusian reflections]. 2014. No. 9. P. 56–56 (in Russ.).
14. Marx K. [Theses on Feuerbach]. In: K. Marx, F. Engels. [Writings]. 2nd ed. Moscow, 1974. Vol. 42. P. 264–266 (in Russ.).
15. Marx K. [Mathematical manuscripts]. Moscow, 1968 (in Russ.).
16. Alekseev I. S. [The concept of complementarity. Historical and methodological analysis]. Moscow, 1978 (in Russ.).
17. Lenin V. I. [Complete set of works] : in 55 vol. Moscow, 1976. Vol. 23 (in Russ.).
18. Marx K. [Class struggle in France from 1848 to 1850]. Marx K., Engels F. [Writings] : in 50 vol. 2nd ed. Moscow, 1956. Vol. 7. P. 5–110 (in Russ.).
19. Marx K. [Class struggle in France from 1848 to 1850]. Marx K., Engels F. [Writings] : in 50 vol. 2nd ed. Moscow, 1956. Vol. 7. P. 5–110 (in Russ.).
20. Marx K., Engels F. [Writings] : in 50 vol. 2nd ed. Moscow, 1956. Vol. 22 (in Russ.).
21. Engels F. [The peasant war in Germany]. Marx K., Engels F. [Writings] : in 50 vol. 2nd ed. Moscow, 1956. Vol. 7. P. 343–438 (in Russ.).
22. Marx K., Engels F. [Writings] : in 50 vol. 2nd ed. Moscow, 1956. Vol. 7 (in Russ.).
23. Marx K., Engels F. [Writings] : in 50 vol. 2nd ed. Moscow, 1960, Vol. 16 (in Russ.).
24. Prigozhin I., Stengers I. [Time, chaos, quantum]. Moscow, 1994 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 01.06.2017.
Received by editorial board 01.06.2017.